

**ЗООТОПОНИМЫ
КАЗАХСТАНА
КАК ПРАКТИКА
КОММЕМОРАЦИИ
КОЧЕВОГО
ПРОШЛОГО****Введение**

Исследование анималистических образов и их места и роли в казахской культуре и искусстве по проекту¹ привело нас к изучению проблематики зоотопонимов, широко, представленных в казахстанском геокультурном пространстве. В последнее время топонимика как наука, изучающая географические названия, значительно расширила свое информативное поле, действуя одинаково эффективно в истории, этнографии, ряде филологических дисциплин и культурологии, выходя за узкие рамки ее понимания как простого акта маркирования территории как таковой. Об этом свидетельствуют работы ученых Дальнего и Ближнего Зарубежья, в которых достаточно четко проводится линия о характере топонима как «свернутого» культурного кода, кода культуры, культурного артефакта, топонимического текста, культурного ландшафта, пространственной идентичности, семиосферы и брендинга территории.

Среди зарубежных ученых топонимами в рамках культурного ландшафта США занимался Вилбур Зелинский [1]; зоонимные компоненты в тюркской топонимии исследовали Ариф Йылдырым и Джахит Хамуркопаран [2] и другие. Топонимы как смыслы геокультурного пространства и своеобразная пространственно-знаковая система рассматриваются в трудах российского ученого И.Н. Корнева [3]; перспективы исследования топонимии как городской семиосферы заложены представителями московско-тартусской семиотической школы, которые закрепили в своих работах понятия «городского текста», «мифа» и «образа» [4; 5]. Дальнейшее развитие исследования по городской семиотике получили в работах В.В. Абашева, посвященных анализу «культурного текста» Перми [6], М.Ю. Тимофеева, рассматривающего роль топонимов в формировании бренда города Иваново [7] и многих других.

Главной особенностью перечисленных работ является исследовательский фокус, направленный на анализ географичес-

¹Научный проект МОН РК «Традиционные анималистические образы и мотивы в искусстве и культуре кочевников-казахов (древность, средневековье и новое время)» (2015-2017 гг.).

ких названий как символических кодов, где зашифрована информация об истории, традициях и культуре тех мест, откуда они происходят. Следовательно, задача исследователя заключается в расшифровке и интерпретации этих кодов.

Топонимика Казахстана достаточно хорошо изучена с XVIII-XIX вв. В современном контексте можно отметить, изданные отделом ономастики Института языкознания им. А. Байтурсынова МОН РК и ученых Казахстана труды по изучению топонимов в этимологическом, лингвокультурологическом, когнитивном аспектах. Интересно пособие, посвященное теории и практике ономастики [8].

Значительна коллективная монография «Топонимия. Историко-этимологическое описание, классификация и стратегия переименований» в двух томах, увидевшая свет в 2008 году авторов К.Б. Уразаевой, Ж.Т. Уталиевой, Р.А. Бекназарова [9], посвященная топонимической системе Актюбинской области.

Большой вклад в исследовании топонимики Казахстана внесли О.А. Султаньяев [10], З.А. Джандосова [11], И.В. Ерофеева [12], Г. Абжанова [13], А.П. Горбунов [14] и Е.Ж. Оразбек [15]. Однако, в казахстанской науке вопросы исследования казахстанской зоотопоники как одной из практик коммеморации кочевого прошлого, или изучения системы народных зоогеографических названий как важнейшего компонента нематериального культурного наследия казахов-кочевников не нашли должного освещения.

В настоящей статье исследовательский фокус сосредоточен на изучении зоотопонимов Казахстана как показателей богатого творческого воображения казахов, которые посредством животных и птиц преобразовали родной ландшафт, ваяя его по образу и подобию символических форм кочевой культуры, так маркируя сакральную родовую территорию.

Основная часть

Животные как зоотопонимы

Высокую степень популярности зоотопонимов демонстрирует географическая карта Казахстана. Через священных животных и птиц как одних из главных компонентов тюркского мироздания казах-кочевник перестраивал и трансформировал пространство земли, наделяя его смыслом. О.А. Султаньяев по этому поводу пишет: обозначения птиц и животных, встречающиеся в названиях, далеко не всегда могут быть связаны с наличием или отсутствием тех или

иных представителей животного мира. Необходимо помнить, что эти названия могут быть даны по форме объекта (т.е. представлять собой метафору, стоять в связи с каким-либо событием и т. п.). Однако само по себе наличие этих птиц и животных в данной местности, равно как и известность их местному населению, как нам кажется, не подлежит сомнению [10, с. 68].

В иерархии «домашних» зоотопонимов первенство принадлежит коню/лошади. Казахстанская земля богата названиями гор, урочищ, сел, поселков, озер и водоемов, связанных с лошадью/конем, – это географические названия, непосредственно имеющие в своем составе лексему: жеребец/кобыла/стригунок и т.д., иногда с указанием пола, масти и возраста, или связанные с каким-либо событием с этим животным.

В Павлодарской области Казахстана встречаются следующие географические названия с «лошадиной тематикой»: горы Бозайгыр (*сивый/белый жеребец*), урочище Сарыайгыр (*желтый жеребец*), гора Караайгыр (*черный жеребец*), развилка Шубарайгыр (*чубарый жеребец*), озеро Торайгыр (*гнедой жеребец*), гора Айгыр (*жеребец*), Айгыртас (*жеребчатый камень*), Айгыржал, урочище Бозбие (*сивая/белая кобылица*), Алабие (*пестрая кобыла*), Торбие (*гнедая кобыла*), Қарабие (*черная кобылица*), Босбие (*свободная кобылица*), реч. Курымбие, озеро Қаракаска (*қасқа – отметина на лбу, қарақасқаат – карий конь с белой отметиной на лбу*), Ушқаска (*три отметины*), Қасқаат (*конь с отметиной*), Қасқабие (*кобылица с отметиной*), оз. Бурылат (*бурый конь*), ур. Сарыат (*желтый конь*), Тай (*годовалый жеребенок*) и многие другие. Подобные названия распространены по всей территории Казахстана, но конь/кобыла/жеребенок в топонимике часто используется в связке со цветоименованием, что в науке квалифицируется как один из видов двучленных географических названий.

Э.М. Мурзаев отмечает, что в «тюркской оронимии нередко можно встретить, казалось бы, неоправданные названия отдельных вершин или перевалов такого типа: Қараайгыр, Бозайгыр, Ақбайтал. Что это такое? Почему гора носит название – «черный жеребец», а перевал – «белая молодая кобыла»?», подобное по мнению автора мы встречаем в словаре, географических названий Киргизии (1962) оно неоднократно упоминается: Байтал, Байтал-Баши, Ақ-Байтал, Ала-Байтал и т. д. [16, с. 101].

Г.К. Конкашпаев в «Словаре казахских географических названий» пишет, что «айгыр – же-

ребец, в составе сложного географического названия приобретает значение – большой» [17, с. 134]. На этот вопрос, как пишет Э.М. Мурзаев, ответить не просто, без специального изучения [16, с. 101], но однозначно одно – так народ маркировал сакральную территорию или сакральное животное, или то и другое в совокупности.

Из вышеперечисленных географических названий наиболее часто встречающиеся понятия – это *боз* (бозайғыр, бозбие), *қара* (*айғыр*, *қасқа*), *сары* (*айғыр*, *ат*), *ала* или *шубар*. Все эти цвета выступают в качестве определяющих элементов топонимов не только в казахской, но и шире в тюркской культуре. О чем наглядно демонстрирует исследование Хамуркопарана Джохита [18].

Казахское цветовое понятие *боз* может являться синонимом слова *белый*. В народном понимании любая светлая поверхность считается белой. Так, в «Древнетюркском словаре» выделяются следующие семы: 1) белый; 2) белая, серая, сивая (о масти животных); 3) благоприятный [19, с. 48]. Глубокое значение белого вообще, и белого коня/белой кобылицы известный факт в тюркской мифологии: признак божественности, святости, свободы и благородства. Образ белых (серых) коней и кобыл популярен не только в тюркских мифах и в фольклоре, но и в целом мировой культуре.

В составе слова «Қараайғыр» (*черный жеребец*) значится цветолексема *қара*. Черный цвет антипод белого, но в казахской культуре лексема *қара* имеет не только цветовое значение – черный, темный, густой и т.д., но и значение – древний, архаичный. Возможна и другая интерпретация: *қара* – это цветовое обозначение севера в тюркской культуре. «Поэтому в толковании значений топонимов появляется некий двойной смысл: *Карадере* – 1) черный ручей и 2) ручей, находящийся на севере (в аналогичных случаях возможно: текущий на север, текущий с севера); *Каракая* – 1) черная скала и 2) северная скала» и т.д. [18, с. 340]. Сказанное означает, что в названии местности может функционировать не только значение цвета/колорита как такового, но и направления сторон света, выраженные через цвет.

Немаловажное значение в зоотопонимике получают географические названия, связанные с лексемой *сары* – желтый, издревле связываемый в тюркской культуре с солнцем. Интересны в семантическом значении *ала* и *шубар*. При этом, в казахском языке пестрые цвета широко используются во множественных переносных

значениях, но в любом случае географическое название закрепляется «по признаку редкому, выделяющему называемый объект из окружающей среды» [10, с. 69].

Древняя казахская топонимическая легенда гласит о скакуне по кличке Шубарат, в переводе с казахского языка *шубар* означает ляпистый. Однажды, этот скакун участвовал в аламан-байге, опередив всех своих соперников Шубарат словно на крыльях влетел на вершину горы, которая с тех пор так и называется. Эта гора расположена около реки Шемолган в Алмаатинской области. Местные жители до сих пор помнят эту легенду.

В зоотопонимике Казахстана встречаются названия, связанные с определенным событием или деятельностью. К примеру, Жылқықамаган «где лошадей держали (в загоне)» или Тайжеген, «где стригуна (годовалого жеребенка) съели». Так, в названии старейшего природного заповедника в Южно-Казахстанской области Аксу-Жабаглы, легли названия двух рек: Аксу (белая вода) и Жабагылы. Казахи называют *жабагы* жеребенка-сосунка в возрасте пяти-шести месяцев в первую осень по рождении. Возможно, в название реки легло название одноименной долины – местности, где полно жеребят.

При анализе мифа о лошади С. Кондыбаем [20] приведен ряд древнеказахских легенд, так или иначе связывающих ее с природными объектами: с горами, пещерами и озерами/реками. К примеру, это легенда о появлении лошадей из пещеры или о связи коня с горой, прослеживаемая в легенде про джигита по имени Шахимардан, сватавшего за дочь правителя Бабахана; о связи образа коня с водой/озером в сказке о «драконьем озере», к которому приходили два кроваво-гнедых коня; о золотых лошадях, живущих на дне озера; до сегодняшнего дня высоко чтима среди казахов земля, на которой отпечатался след скакуна, понимаемый как «след ангела»; в Мангыстау бытует легенда о бае Саназаре, скрестивших своих земных кобыл с морскими жеребцами и многие другие. Возможно, те или иные казахстанские географические названия, связанные с конем/лошадью и сохранившиеся до сегодняшнего дня, несут в себе отпечаток этих древних мифических сюжетов тюркского эля.

Следующий факт, на который следует обратить внимание при исследовании «лошадиных» топонимов, – это выделенный С. Кондыбаем «обычай связывать масти коней с четырьмя направлениями света: синий (или серый, мышастой масти) конь-весна-восток – утро; красный

конь – юг-лето-полдень; белый конь – запад – осень – вечер; вороной конь – север – зима-полдень» [20] и далее исследователь продолжает: «...можно рассмотреть вероятность того, что масти коней символизировали двенадцать месяцев года и направлений пространства иссиня-серый көк Март Восток; мухортый (кер) конь Апрель В. – юго-восток; белый (ақ боз) конь Сентябрь Запад» [20] и т.д. Вероятно, что в этом древнеказахском обычае кроется один из ключей к разгадке традиционных казахских географических названий, связанных с конем/лошадью или другими животными. Но, однозначно одно – конь/лошадь в казахской культуре едва ли самая значимая часть духовной составляющей, что нашло отражение и в такой узкоспецифической форме как топонимия.

Из домашних животных среди топонимов часто встречаются корова/бык/теленки. К примеру, встречаются местности со следующими названиями: Сиброльген «где корова пала», Бука «бугай», Соқыроғыз «слепой вол», Бузауолен «телячья осока», Торпак-июғы «телячий колок» [10, с. 62] и многие другие. Не менее популярны и названия, связанные с овцой: Койишлик «овечий тростник», Кошкар-сойған «где барана зарезали», Аккозы «белый ягненок» [10, с. 62]. Существует и поселок с ярко говорящим названием Қойкелды («овцы пришли»). Таким образом, и бык/корова и овца занимают особое место в миропонимании казахов-кочевников и входили в круг священных, особо почитаемых животных.

Следующим в иерархии топонимов представляется верблюд/верблюдица. Казахи-верблюдоводы нарекали этим священным животным поселки, озера, горы и даже колодцы. Первенство принадлежит Бурабаю – знаменитому Национальному заповеднику Казахстана. Согласно древней казахской легенде в этих местах некогда жил Бура – огромный верблюд, защитник Көкше (верблюд-производитель). Народ почитал и боготворил Буру, но однажды неразумный сын хана Касыма подстерел его. На месте его гибели образовалась гора, своими начертаниями напоминающими два горба верблюда. Поэтому гора и носит название Бурабай.

В Атырауской области существует озеро Буракөл и местность Буратиген (*двугорбый верблюд-производитель-коснулся/укусил или давил или прогнал*). В Восточном Казахстане есть река с названием Кара-бура. В Южно-Казахстанской области есть аул с названием Карабура (*черный верблюд*) от имени известного в степи

священнослужителя и сподвижника Ходжи Ахмеда Ясауи, который перед смертью попросил, чтобы его похоронил его черный верблюд. Подобный сюжет мы встречаем с известным в степной ойкумене батыром Райымбеком, который был захоронен на месте, где остановился его боевой верблюд. Это место находится вдоль огромного проспекта, на котором и расположился мавзолей Райымбека в городе Алматы.

Часто в традиционных географических названиях Казахстана встречаются: колодец в Мангистауской области Туйесу (*верблюд-вода*), в Кокшетауской области Туйекеткен (буквальный перевод: *верблюд утонувший*); в Кызылординской области озеро Туйетікен (буквальный перевод: *верблюжья колочка*).

Одногорбого верблюда казахи называли *наром* – ондревний символ мощи и красоты. Поэтому часто встречаются следующие топонимы: Наркеткен (*одногоорбый утонувший/ушедший*), Нарөлген (*одногоорбый ушедший*), Нароккен (*одногоорбый опустившийся на колени*).

В Омской области на границе с современным Казахстаном есть озеро Алабота в переводе, означающее «*пестрый верблюжонок*». С таким же названием в Северном Казахстане существует и озеро, и поселок. Часто казахи называли колодцы: Акбота (*белый верблюжонок*), речки Ботабор (*буквально мелкий верблюжонок*) и т.д. Вообще, бота в казахской культуре – многозначное понятие. Ботой называют верблюжонок до года, и так ласкательно казахи называют детей и юных девушек.

Верблюжонок-двухлетку казахи называли тайлак, что соответственно нашло отражение в географических названиях: Тайлаксай (*овраг верблюжонок-двухлетки*); Ақтайлак (*белый верблюжонок-двухлетка*) и др. Анализ топонимов в сфере верблюдоводства позволил А. Жакипову прийти к следующему выводу: при образовании топонимов наблюдается определенная закономерность, которая заключается в сравнении того или иного топонима по определенному признаку, качеству верблюда/напр. Туйетау (буквально камень верблюд), в других случаях масть/Ақбастау – белоголовый, как голова атана, Сарыбура – рыжий, как бура/. Есть топонимы, которые образованы на основе сравнения местности с горбом верблюда/Тасоркеш камень, как горб: Туйеоркен – камень, местность, как горб верблюда и т.д./ [21].

Подводя итог по поводу топонимов, связанных с верблюдами, нам бы хотелось сказать, что он один из главных зоосимволов архаичной тра-

диции не только казахов, но и практически всех народов Центральной Азии, достаточно емко отражающий целостную картину мира, зоомифологию и космос древних. В разные исторические периоды верблюд в казахской культуре воплощал в себе: символ царской, ханской власти; первородного самца; единство всех животных тенгрианского календаря; ездовое животное Пророка, жреца, суфия; верховное животное, которое приносится в жертву ради сотворения Мира; проводника человека в мир «предков»; космический обруч манкурта; тоску по родине и материнскую любовь и т.д.

Таким образом, верблюд в протоказахской и казахской мифологии в частности, соотносится с высшей сферой бытия. В иерархии образно-символических представлений архаического сознания, воспринимавшего все явления и стихии окружающего мира как персонификацию различных животных и божеств, верблюд занимает особое место, являясь посредником между человеком и небом. Верблюд – символ единого и неделимого космоса, создан из ничего и является первоосновой. В представлении тюрков он – символ начального мира» [22, с. 15]. Поэтому так активно его образ используется в традиционной системе географических названий.

Встречаются зоотопонимы, связанные с собакой. К примеру, Итишпес («собаки не станут пить») – это древнее название озера Алаколь, данное ей относительно соленного состава. В Павлодарской области есть озеро Итбас – *собачья голова*.

Здесь надо отметить, что собака в некотором смысле заменила волка в миропонимании казахов, т.е. произошел сдвиг от символа волка к символу собаки. В казахской культуре понимание собаки было как друга и помощника и в охране скота, и в охоте. На слуху казахские породы собак: тазы и төбет. Примечательно, что последняя в смысловом переводе означает как собака, сидящая на горе.

Отдельный ряд составляют зоотопонимы, образованные от названия диких животных, и как правило «отражающие охотничье-промысловые виды местной фауны: *кулан, бобр, лось, марал, архар, сибирский козел, кабан, тигр, косуля, соболь, рысь, снежный барс, корсак, лисица, заяц*. Все это указывает, что охота в прошлом имела значительную роль в жизни местного населения» [23, с. 26].

По сведениям, приведенным в статье [23], в Казахстане насчитывается 80 топонимов, связанных с куланом. К примеру, гора *Кулантау*,

река *Кулансу*, лог *Кулансай*, брод *Кулануткель*, сопка *Кулантюбе*, перевал *Куланасу*, ущелье *Куланишат*, местности *Кулансази Куланкорык* и т.д.

Очень часто топонимы, связанные с животными, заканчиваются на суффикс *-ды*, «указывающем в казахском языке наличие или преобладание данного животного» [23, с. 26]. Так, существует географическое название Куланды – *место, где водятся куланы*.

О другом интересном примере пишет И.В. Ерофеева: по одинаковой схеме-логике азербайджанцы, алтайцы и казахи давали названия рекам, оценивая их с точки зрения возможности переправы людей и скота. Так, «непреодолимую для джейранов» реку азербайджанцы назвали *Джейран кечмес*; алтайцы, оценив трудность переправы через аналогичную по морфологическим признакам долину для медведей, назвали Айу-Кечпес – «непреодолимую для медведей»; казахи же именовали труднопроходимую реку «непреодолимой для куланов» – *Кулан отпес* [25, с. 69].

Встречаются топонимы, связанные со степной антилопой – сайгаком – *кийк*. Существует местность под названием Кийкты – *местность, где водятся сайгаки*; один из источников носит название Кииккудук (*сайгачий колодец*). К примеру, О.А. Султаньяе предлагает такую версию происхождения названия одного из озер в Көкше: «Зеренді – озеро, также называются горы, окружающие озеро, что значит «сайгачье», поскольку «зерен» монгольское слово, обозначающее «сайгак» [10, 72]. Вообще, в традиционных географических названиях Казахстана существует не только монгольский, но и общетюркский, и даже калмыцкий компонент.

Популярностью в традиционной системе географических названий пользуется лось – буланты. К.Т. Сапаров, А.Е. Егинбаева, А.Б. Сансызбаева пишут: большинство топонимов, связанных с именем лося, обозначаются казахским словом *булан*, а в некоторых случаях монгольским словом *кандагай*. В прошлом в Казахстане лось тоже был одним из объектов охоты местного населения – очень ценились его мясо и кожа» [23, с. 28].

Лось – буланты, священное животное в миропонимании казахов-кочевников, представитель высших миров, как и все рогатые млекопитающие в целом. О чем ярко говорит и статистика зоотопонимов, приведенная К.Т. Сапаровым, А.Е. Егинбаевой и А.Б. Сансызбаевой: «на территории Казахстана обнаружено более 40 топонимов, связанных с именем лося, из них более

35 на казахском и 6 на монгольском языках. Эти топонимы территориально распределены в основном в долинах рек Урал, Тургай, на Кокчетавских, Каркаралинских и Чингизтауских горах и Южном Алтае. Большинство топонимов относятся к рекам, озерам, пригорным урочищам и отдельным сопкам, которые вполне соответствуют местам обитания лося» [23, с. 29].

Подобное можно сказать и про названия гор Буғулы (Оленьи) и Маралтөбе (Олений холм), широко встречающиеся в Восточном Казахстане.

Волк – бөрі, известный зоосимвол в тюркской/казахской культуре. В генеалогических легендах все тюрки ведут свое происхождение от волка. Поэтому в зоотопонимах встречаются названия, связанные с волком.

Одну из древних казахских топонимических легенд зафиксировал О. Альджанов в 1894 году о горе Бортастаган [24]. Легенда гласит о великанше, пасшей коз в Тарбагатайских горах. «Однажды, пася коз и занимаясь пряжею шерсти, великанша заметила, что на ее стадо напал волк. Она, схватив веретено, бросила его в волка. Это веретено упало в Сарыдалу и осталось там навсегда; отсюда произошло название горы «Бортастаган», что значит «брошенное в волка» [24, с. 44].

Бортастаган – это утес в Восточном Казахстане, находящийся в 40 км от поселка Ақсуат. Утес представляет собой каменную скалу из серого гранита. На нем изображены наскальные рисунки, нанесенные охрой. Местность с наскальными рисунками издревле считалась святым местом/святилищем в тюркской культуре, так и этот утес пользуется славой святого места. Местное население до сих пор передает из уст в уста легенду о том, что на этом утесе живет джинн Көкбарақ в образе серого волка, который принимал/принимает активное участие в шаманских обрядах казахских баксы.

В Казахстане встречаются местности с названием *қасқыр* (волк). К примеру, Қасқыр-Алған (где брали волка) или Қасқырлы (где водятся волки).

Следующим в иерархии зоотопонимов, относящимся к диким животным, является медведь – Аю. Это одно из почитаемых животных в древнетюркском ареале. К примеру, Ақсу-Аюлы (белая вода – местность, где обитают медведи); озеро Маймақ (косопальный); Аю-сай (медвежий овраг) и др.

В статье К.Т. Сапарова, А.Е. Егинбаева и А.Б. Сансызбаевой приводятся сведения о топонимах, связанных с бобром – *кундыз*. Так, «на

территории республики мы насчитали более 40 топонимов, связанных со словом *кундыз*. Следует отметить, что большинство из этих топонимов являются названиями водных источников (рек, озер и ручьев), пишут авторы [23, с. 28].

Эти зоотопонимы встречаются в основном в бассейнах рек Урал, Эмба, Нура, Тобол, Ишим и Иртыш. В целом, образ бобра очень редко встречается в тюркской мифологии, но в казахском фольклоре встречаются слова *кундыз* и *кундызқайыр*.

Известны топонимы, связанные с лисой Түлкілі (*лисы*), Қоянды (*зайчи*), Текелі (*теке – горный козел; местность, где обитают горные козлы*); Арыстанды (*местность, где обитают львы*) и многие другие.

Среди пресмыкающихся казахи высоко ценили змею, считавшуюся символом мудрости. Так, в Казахстане повсеместно встречаются топонимы, связанные со змеей: Жыландыкөл (*озеро со змеями*); река Жыланды (*река со змеями*); Жыландысай (*змеиный овраг*); железнодорожный разъезд – Жылан (*змея*) и многие другие. В подавляющем большинстве топонимы, связанные со змеей, конечно же, встречаются в гористой местности, пустынях и водоемах, то есть в среде естественного обитания змей.

Зоотопонимы Казахстана, отражающие названия как домашних, так и диких животных, составляют достаточное количество в общей сумме географических названий, что позволяет заявить об их высокой значимости в контексте нематериального культурного наследия казахов. Данное подтверждают и статические данные: «имена животных Павлодарской области представлены в номенклатуре 334 зоотопонимами, которые составляют 7,6% от всех топонимов. Зоонимы рассматриваемой области хорошо отображены на карте, составленной К.Т. Сапаровым» [23, с. 29].

При этом, наличие превалирующего количества того или иного животного в данном регионе является одним из доминантных факторов в наречении данной местности, но далеко не главным. Часто встречаются метафоричные названия местности, что еще раз подтверждает высокий уровень механизмов функционирования творческого воображения и ассоциативного мышления у казахов-кочевников. Все названные зоотопонимы отражают не только мир окружающей фауны, но и внутренний мир, в котором существовали казахи.

Птицы как зоотопонимы

Значительное место в традиционной системе географических названий, связанных с фауной,

занимают птицы. Первенство принадлежит жаворонку – торгай, известному символу степей. Так, географическое название «Торгай/Тургай» (в переводе с казахского языка означающее жаворонка) повсеместно встречается в Казахстане. К примеру, река Тургай, Тургайская область, Тургайская ложбина и мн. другие. Святость этой маленькой птицы мы видим в древней казахской кюй-легенде «Боз-торгай», которая рассказывает о жаворонке, защищающем своих птенцов от нападения змеи. Эта музыкальная пьеса передает в звуках домбры страх и отчаяние жаворонка, шипение змеи, писк птенцов, трепет крыльев жаворонка-матери, пытающегося отвлечь внимание змеи от гнезда, и заканчивается все предсмертным криком самоотверженно бросающейся птицы в пасть змеи, чтобы спасти своих птенцов. Но ученые выдвигают и другие версии казахского топонима Торгай [25, с. 400].

В Павлодарской области существует село с названием «Аққу», что в переводе с казахского означает лебедь. Есть также река Аққукөлі (*лебединое озеро*), озеро Қужатқан (*каз. қу «лебедь», жатқан «водился»*), Казалы (*каз – гусь; место, где обитают гуси*) и многие другие. С последним зоотопонимом связана интересная версия происхождения этнонима «казак», образованного сочетанием слов «каз» («гусь») и «ак» («белый»), что возносится к древней тюркской легенде о белом гусе – чрезвычайно почитаемом в Степи тотемном существе. При этом казахи не разделяли в этом аспекте гусей и лебедей, именно эти водоплавающие птицы фигурируют в многочисленных легендах о наиболее почитаемых в казахской степи святых дервишах, выступая как праматери казахов. Поэтому у казахов издревле к водоплавающим птицам особое трепетное отношение: она – священная птица, тотем, посредник между мирами.

Следующий в иерархии «птичьих зоотопонимов» – ворон/қарға. Древние тюрки особо почитали птиц из семейства вороньих, олицетворяющих весеннее обновление и новую жизнь. Поэтому вороны считались у казахов священными. «Эти воззрения нашли отголоски и в языке, к примеру у казахов слова *қарғам, қарғашым* являются выражением любви, нежности, эмоционально-эстетического отношения к детям и близким в неформальном общении, а *қарға тамырлы қазақ* – выражение глубинных родственных связей, единства корней всех казахов. Следует отметить, что из всех тюркских народов обожествляли ворону, до сих пор активно используя этот образ в метафоричных выражениях» [26, с. 11]. **Что подтверж-**

дается топонимикой Казахстана, где встречаются места под названием *Қарғалы (местность, где обитают вороны)*.

Подобные названия, связанные с вороном, встречаются в разных географических зонах тюркского мира: «*Карга-«Ворона»* – кишлаки в Каганском районе Бухарской области, в Узбекистанском районе Ферганской области; *Кок-Карга-«Небесная ворона»* – кишлак в Нарпайском районе Самаркандской области, *Каргалар – «Вороны»*-кишлаки в Гурленском и Хазараспском районах Хорезмской области, *Карғали – «Вороний»* – кишлак в Нарпайском районе Самаркандской области» и т.д. [27, с. 127].

В казахстанской зоотопонимии встречаются названия, связанные и с другими птицами. Например, озеро Тырнакөл (*журавлиное озеро*); горы Қарқаралы (*горы черной цапли*) и многие другие. Географические названия многим объектам были даны в честь ловчих птиц, также особо почитаемых в казахской ойкумене. К примеру, есть вершина, называемая Бүркүтті. Казахи считают, что бүркіт – это священная, неприкосновенная птица, своего рода Бог всех птиц, обладающая чудодейственными свойствами [27, с. 187].

Заключение

Говоря о топонимах вообще, Л.В. Камедина пишет: осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует свое место символически, немой ландшафт приобщает к культуре [28, с. 140]. Так, в казахской культуре птицы, домашние и дикие животные являются одними из популярных зоотопонимов, которые перестраивают и трансформируют пространство земли, наделяя его структурой и смыслом.

Это подтверждается статическими данными, полученными при анализе Краткого энциклопедического словаря исторических топонимов Казахстана И.В. Ерофеевой [25]. Анализ показал, что из 262 топонимов 22 зоотопонима, что в процентном соотношении в среднем составляет 8,3 %. Соответственно, зоотопонимы составляют достаточное количество в общей сумме географических названий Казахстана. При этом, наличие преобладающего количества того или иного животного в конкретном регионе является одним из доминантных факторов в наречении данной местности, но далеко не главным. Часто встречаются метафоричные названия местности. Также в Словаре встречаются интересные топо-

нимы как: река Буйен – *толстая кишка у животных* и урочище Азгыр – *айгыр – жеребец*.

Настоящее исследование показало, что отождествление значимых единиц мировоззрения, в частности животных и птиц с землей стало одним из принципиальных моментов самосознания казахов-кочевников. Именование местностей, гор, пещер, ущелий и водных объектов

– процесс не стихийный, а скорее, наоборот, значимый показатель культурного самосознания народа. Исторически сложившаяся зоотопонимика Казахстана была продуманной, системной и символически выразительной. Тем самым образ животного и птицы не только символически персонифицировали землю, они метонимически включали ее в свой состав.

Литература

- 1 Zelinsky W. Nation into the state: the shifting symbolic foundations of American nationalism. N.Y.: University of North Carolina Press, 1988. – 350 pp.
- 2 Позднякова А.А., А. Ыылдырым, Д. Хамуркопаран. Зоонимный компонент в тюркской топонимии // Педагогические исследования. – № 2(2014). – С. 125-129.
- 3 Корнев И.Н. География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Географический вестник. – № 1 (28). – 2014. – С. 41- 45.
- 4 Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. Тарту, 1984. – С. 30-45.
- 5 Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
- 6 Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.
- 7 Тимофеев М. Ю. История формирования семиосферы города Иваново (1917-1991) // Вестник Ивановского университета. – 2005. – № 3. – С. 41-50.
- 8 Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики: учебное пособие. – Алматы-Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 199 с.
- 9 Уразаева К.Б., Уталиева Ж.Т., Бекназаров Р. А. Топонимия Актюбинской области: историко-этимологическое описание, классификация и стратегия переименований. – Актюбе, 2008. – 345 с.
- 10 Султаньяев О.А. Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области // Ученые записки УрГУ. – № 114 (1971). – С. 62-72.
- 11 Джандосова З.А. Десять Туркестанов: разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. мат-лов междунауч. конф. – Алматы: Издательство EVOPRESS, 2014. – С. 56-66.
- 12 Ерофеева И.В. Историческая топонимика Казахстана как составная часть культурного наследия казахов // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. мат-лов междунауч. конф. – Алматы: Издательство EVOPRESS, 2014. – С. 66-81.
- 13 Абжанова Г. Основные проблемы топонимии Казахстана. Топонимика Восточно-Казахстанской области // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. мат-лов междунауч. конф. – Алматы: Издательство EVOPRESS, 2014. – С. 25-33.
- 14 Горбунов А.П. Особенности формирования некоторых топонимов Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. мат-лов междунауч. конф. – Алматы: Издательство EVOPRESS, 2014. – С. 46-56.
- 15 Оразбек Е.Ж. Традиционный казахский кочевой социум: некоторые аспекты исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/books/library/read/1193#scontent>. Дата обращения: 11.11. 2016
- 16 Мурзаев Э.М. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 101-104.
- 17 Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. – Алма-Ата: Издательство Академии наук КазССР, – 1963. – С. 134.
- 18 Хамуркопаран Д. Семантика цвета в тюркской топонимике // Фундаментальная наука вузам: Преподаватель XXI век. – № 3. – 2013. – С. 338-344.
- 19 Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, – 1969. – 676 с.
- 20 Кондыбай С. Миф о лошади. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otuken.kz/index.php>. Дата обращения: 12.11. 2016
- 21 Жакупов А. Термины верблюдоводства в составе топонимов и антропонимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://turkology.tk/library/266>. Дата обращения: 11.11. 2016
- 22 Наурызбаева З. Вечное небо казахов. – Алматы: «СаГ», 2013. – 704 с.
- 23 Сапаров К.Т., Егинбаева Е.А., Сансызбаева А.Б. Топонимический подход научных исследований ландшафтов, связанных с животным миром // Economics of nature management, 2014. – С. 25-31.
- 24 А [льджа]нов О. Легенды о горах Тологое и Бортастагане. В книге: История Казахстана в русских источниках XVI-XIX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 43-45.

- 25 Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И.В. Ерофеева. – Алматы, 2014. – 528 с.
- 26 Жолдасбеков М.К. Сарткожаулы, Орхон ескертішінің толық атласы. – Астана: Күлтегін, 2005. – 326 б.
- 27 Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: (ритуальный и практический аспекты). – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. – С. 187-188.
- 28 Камедина Л.В. Забайкальский текст в русской культуре // Ученые записки ЗабГУ. – 2014. – № 4(57). – С. 139-145.

References

- 1 Zelinsky W. Nation into the state: the shifting symbolic foundations of American nationalism. N.Y.: University of North Carolina Press, 1988. – 350 pp.
- 2 Pozdnjakova A.A., A. Yjldyrym, D. Hamurkoparan. Zoonimnyj komponent v tjurkskoj toponimii // Pedagogicheskie issledovanija. – № 2(2014). – S. 125-129.
- 3 Kornev I.N. Geografija i toponimika v kontekste gumanitarnogo diskursa // Geograficheskij vestnik, № 1 (28), 2014. – S. 41-45.
- 4 Lotman Ju.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. XVIII. Tartu, 1984. – S. 30-45.
- 5 Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. – M., 1983. – S. 227-284.
- 6 Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature HH veka. – Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
- 7 Timofeev M. Ju. Istorija formirovanija semiosfery goroda Ivanovo (1917-1991) // Vestnik Ivanovskogo universiteta. 2005. № 3. – S. 41-50.
- 8 Madieva G.B., Suprun V.I. Teorija i praktika onomastiki. Uchebnoe posobie, Almaty-Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. – 199 s.
- 9 Urazaeva K.B., Utalieva Zh.T., Beknazarov R. A. Toponimija Aktjubinskoj oblasti: istoriko-jetimologicheskoe opisanie, klassifikacija i strategija pereimenovanij. – Aktobe, 2008. – 345 s.
- 10 Sultan'jaev O.A. Principy nominacii v kazahskoj toponimike Kokchetavskoj oblasti // Uchenye zapiski UrGU, № 114 (1971). – S. 62-72.
- 11 Dzhandosova Z.A. Desjat' Turkestanov: raznye znachenija odnogo toponima // Problemy izuchenija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija narodov Kazahstana i Central'noj Azii: toponimika, jepigrafika, iskusstvo. Sb. mat-lov mezhd. nauch. konf. – Almaty: Izdatel'stvo EVOPRESS, 2014. – S. 56-66.
- 12 Erofeeva I.V. Istoricheskaja toponimika Kazahstana kak sostavnaja chast' kul'turnogo nasledija kazahov//Problemy izuchenija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija narodov Kazahstana i Central'noj Azii: toponimika, jepigrafika, iskusstvo. Sb. mat-lov mezhd. nauch. konf. – Almaty: Izdatel'stvo EVOPRESS, 2014. – S. 66-81.
- 13 Abzhanova G. Osnovnye problemy toponimiki Kazahstana. Toponimika Vostochno-Kazahstanskoj oblasti//Problemy izuchenija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija narodov Kazahstana i Central'noj Azii: toponimika, jepigrafika, iskusstvo. Sb. mat-lov mezhd. nauch. konf. – Almaty: Izdatel'stvo EVOPRESS, 2014. – S. 25-33.
- 14 Gorbunov A.P. Osobennosti formirovanija nekotoryh toponimov Kazahstana////Problemy izuchenija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija narodov Kazahstana i Central'noj Azii: toponimika, jepigrafika, iskusstvo. Sb. mat-lov mezhd. nauch. konf. – Almaty: Izdatel'stvo EVOPRESS, 2014. – S. 46-56.
- 15 Orazbek E.Zh. Tradicionnyj kazahskij kochevoj socium: nekotorye aspekty issledovanija. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:<http://e-history.kz/ru/books/library/read/1193#scontent>. Data obrashhenija: 11.11. 2016
- 16 Murzaev Je.M. Geograficheskaja semantika nekotoryh tjurkskih toponimov// Onomastika Povolzh'ja. – Ul'janovsk, 1969. – S. 101-104.
- 17 Konkashpaev G.K. Slovar' kazahskih geograficheskikh nazvanij. – Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR. – 1963. – S. 134.
- 18 Hamurkoparan D. Semantika cveta v tjurkskoj toponimike // Fundamental'naja nauka vuzam: Prepodavatel' HHI vek, №3. – 2013. – S. 338-344.
- 19 Drevnetjurkskij slovar'. – L.: Nauka, – 1969. – 676 s.
- 20 Kondybaev S. Mif o lozhadi. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.otuken.kz/index.php>. Data obrashhenija: 12.11. 2016
- 21 Zhakupov A. Terminy verbljudovodstva v sostave toponimov i antroponomimov. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://turkology.tk/library/266>. Data obrashhenija: 11.11. 2016
- 22 Naurzbaeva Z. Vechnoe nebo kazahov. – Almaty: «SaGa», 2013. – 704 s.
- 23 Saparov K.T., Eginbaeva E.A., Sansyzbaeva A.B. Toponimicheskij podhod nauchnyh issledovanij landshaftov, svjazannyh s zhivotnym mirom // Economics of nature management, 2014. – S. 25-31.
- 24 A [l'dzha]nov O. Legendy o gorah Tologoe i Bortastagane. V knige: Istorija Kazahstana v russkikh istochnikah XVI-XX vekov. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – S. 43-45.
- 25 Kratkij jenciklopedicheskij slovar' istoricheskikh toponimov Kazahstana/Sost. I.V. Erofeeva. – Almaty 2014. – 528 s.
- 26 Zholdasbekov M.K. Sartzkozhauy, Orhon eskertishiniń tolyk atlası. – Astana: Kulteegin, 2005. – 326 b.
- 27 Simakov G.N. Sokolinaja ohota i kul't hishnyh ptic v Srednej Azii: (ritual'nyj i prakticheskij aspekt). – SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1998. – S. 187-188.
- 28 Kamedina L.V. Zabajkal'skij tekst v russkoj kul'ture // Ucheny zapiski ZabGU, 2014. – № 4(57). – S. 139-145.